

«ТАК ЖИТЬ, ЧТОБЫ В КОНЦЕ КОНЦОВ ПРИВЛЕЧЬ К СЕБЕ ЛЮБОВЬ ПРОСТРАНСТВА»

Перед ушедшими всегда есть чувство вины. И не только у родных и близких.

Это интервью Михаила Андреевича Глузского состоялось в конце нынешнего января. Но подготовлено к печати совсем недавно.

СКН: Михаил Андреевич, сколько лет Вы «главный» в комиссии ветеранов кино при Московском СК?

Михаил Глузский: Много. Еще при царе был. А если серьезно, не меньше 20. Вообще-то, меня надо переизбрать. Но, к сожалению, не получается. Срабатывает мое имя, которое пока помогает решать многие вопросы.

СКН: Какие, например?

М.Г.: В первую очередь, связанные со здоровьем: устройство в больницу, лекарства. Зачастую это и просто бытовые дела: размены, улучшение жилищных условий. Здесь и вдовы ветеранов кино, не членов Союза. Однако не хотел бы, чтобы создалось впечатление, что комиссия ветеранов, одна из действенных в нашем Союзе, работает в изоляции. Она – организующее начало.

СКН: В основном ветераны – люди одинокие...

М.Г.: Да, и желание попасть в Дом ветеранов – а это тоже наша забота – связано с одиночеством. Но бывает и иначе. Есть дети, которым сам Бог велел заботиться о родителях. Но – увы. Идут тяжбы с детьми и прочее, прочее. Лично я не собираюсь переселяться в Дом ветеранов, и мои дети не посылают меня туда.

СКН: Вот случай из жизни. Эсфирь Вениаминовна Тобак, ей за 90, живет в коммуналке с жуткой, по её словам, соседкой, которая ей шагу не дает ступить. Приходится Вам сталкиваться с подобными ситуациями?

М.Г.: Приходится. Все это – невероятно delicate вещи. Если ситуация носит характер мучительный и дискриминационный, обычно подключаем юристов. Известие об Эсфире Тобак – для меня неожиданность. Сама она к нам не обращалась.

СКН: Стесняется.

М.Г.: Вот как...

Эсфирь Тобак – старейшина нашего кинематографа. Ее фамилию я помню ещё мальчиком.

СКН: Киношники при всех психологических издержках своей профессии, тяготах кинопроизводства – должители. Что, профессия как-то закаливает морально и физически, стимулирует здоровье?

М.Г.: Я, право, не знаю. Мы не горные жители. Так складывается жизнь.

СКН: А как живёте сегодня Вы?

М.Г.: Хорошо. Работаю. Работа – это главное. Я киноактёр в прошлом. Окончил школу киноактёра при «Мосфильме». В моём дипломе написано: «Актёр кино».

СКН: Почему же в прошлом?

М.Г.: Потому что раньше я больше снимался.

СКН: Но Вы и сейчас нередко снимаетесь.

М.Г.: Это всё крохи. Приглашений в кино всё меньше и меньше. У меня, во всяком случае. Тут и возраст сказывается. В настоящее время я всё-таки уже театральный актёр.

СКН: В «Школе современной пьесы» у Вас несколько спектаклей.

М.Г.: Остался всего один – «Чайка». И то, говорят, неудобно получается – убавить бы годы.

СКН: Кто говорит?

М.Г.: Дети. Сорину и в 60 лет «жить хочется». А мне уже 85-й год. Ещё есть приглашения – в «Современнике» «Карамазовы и Ад», старец Зосима. Много лет назад в этом же театре я играл с Мариной Хазовой и Мариной Нееловой, которая была моей внучкой в «Молоде» и остается для меня ею по сей день, в постановке «Мы не увидимся с тобой». А первый раз я снимался в кино в 1956 году, когда пришёл на кинопробы.

СКН: Вас гримировали?

М.Г.: Да, и грим накладывали столь обильно, что иной раз он трескался, как штукатурка. А вообще, «Мосфильм», Студия имени Горького, «Ленфильм» славились своими художниками-гримёрами, которые поистине творили чудеса. Профессия гримёра очень и очень мною почитаема: К сожалению, она утрачена в наше время, которое, я считаю, разрушило или, скажем так, обижает тех, кто ещё продолжает работать. В значитель-

ной степени ослабило кинопроизводство. Потерян целый ряд цехов.

СКН: Вы общаетесь со своими сокурсниками по Школе киноактёра?

М.Г.: Оба моих друга – Сергей Зыков и Генри Станкевич – погибли на фронте. Далее – смерти естественные. Ушли, ушли мои сокурсники. Нас было 25. Перебрать бы их судьбы... Со мной училась та самая Валентина Караваева – Машенька. Сегодня осталась одна Елизавета Владимировна Кузюрина, и, кажется, Людмила Шкодина.

СКН: Как-то Глеб Панфилов, у которого в 1968 г. Вы сыграли коменданта санитарного поезда Фокича, выразил сожаление о том, что Вас не утверждали на роли, предназначенные как раз для Вас. Это действительно так?

М.Г.: Да, так. Почему, понять не могу. У 17-18 режиссёров я сыграл в их первых картинах. Казалось, можно было бы продолжать у них играть. Нет, нет, нет. С тем же Панфиловым планировалась работа в «Жанне д'Арк». Так он, во всяком случае, говорил. Я должен был играть отца Жанны, если бы была картина. Но – если бы, бы... А роль Фокича считаю одной из лучших, из тех примерно двух десятков, которые я держу как свои «золотые слитки». И с Самсоном Самсоновым – одна-единственная работа в «Попрыгунье», практически, эпизод. В недавнем разговоре Самсон Самсонов заметил, что из «Попрыгуньи» нас сегодня осталось двое: режиссёр и писатель Букин. Ушел из жизни доктор Дымов – Сергей Бондарчук, ушли гости, которые бывали в доме Ольги Ивановны – Людмилы Целиковской, и Целиковская ушла...

СКН: У кого ещё Вы играли в дебютных картинах?

М.Г.: У Николая Губенко – «Пришёл солдат с фронта», Сергея Никоненко – «Птицы над городом». Что всех перечислять? Не могу понять, почему так складывалось. Не могу... Очевидно, считают, что исчерпали мои возможности, а я у кого-то другого ещё раз подтверждаю: нет, они не исчерпаны. Я и по сей день так думаю.

Может быть, кандидатуры на ту роль, которую хотел бы сыграть я, с точки зрения режиссёра, и вправду лучше. Важен

«Пришел солдат с фронта»

ведь результат. Вот сыграл я академика Сретенского. Эту роль, говорят, кроме меня, никто не смог бы сыграть. Но я уверен, что будь на моем месте любой хороший актер, о нем говорили бы то же самое, ибо в данном случае была основа

СКН: Новосел 2001 - 20 января